Дэвид Кэмерон вызвал бурную реакцию в европейских столицах, предложив британцам высказаться на референдуме о том, нужно ли им членство в Евросоюзе. Для реализации этих грозных намерений нужна самая малость — победа консерваторов на выборах 2015 года. Отсюда следуют два простых вывода: во-первых, британцы по-прежнему не питают особой любви к землям за Ла-Маншем; во-вторых, заявление Кэмерона рассчитано прежде всего на внутреннее потребление и является попыткой подсушить репутацию тори, подмоченную текущим мировым кризисом.

Дэвид Кэмерон вызвал бурную реакцию в европейских столицах, предложив британцам высказаться на референдуме о том, нужно ли им членство в Евросоюзе. Для реализации этих грозных намерений нужна самая малость — победа консерваторов на выборах 2015 года. Отсюда следуют два простых вывода: во-первых, британцы по-прежнему не питают особой любви к землям за Ла-Маншем; во-вторых, заявление Кэмерона рассчитано прежде всего на внутреннее потребление и является попыткой подсушить репутацию тори, подмоченную текущим мировым кризисом.

Выступление Кэмерона ожидалось давно, и его основные положения были известны заранее. Оглашение позиции консервативного правительства по Евросоюзу было запланировано на 18 января, но речь пришлось отложить из-за внезапного кризиса с заложниками в Алжире. За это время позиция Кэмерона успела подвергнуться ожесточенной критике и на родине, и за рубежом. Тем не менее, когда премьер наконец познакомил публику со своими предложениями в официальном порядке, последовал новый шквал отзывов, в основном нелестных.

По большому счету, инициативы Кэмерона в их крайней форме могут быть реализованы только при наличии определенных условий, для выполнения которых существует множество «но». Во-первых, консерваторам необходимо выиграть парламентские выборы 2015 года. В этом случае Кэмерон обещает провести референдум не позднее конца 2017 года. Четыре года для политики — весьма большой срок, за который, даже при сохранении внутрибританского статус-кво, у тори может возникнуть желание и/или необходимость изменить свои планы.

Суть инициативы премьера вроде бы проста: сначала проводятся переговоры о пересмотре статуса Великобритании в Евросоюзе, а затем уже, с учетом новых реалий, британцам предлагают высказаться, согласны ли они состоять в объединенной Европе на этих условиях. Тут возникают во-вторых и в-третьих: Кэмерон так и не удосужился уточнить, какие именно полномочия Лондон считает необходимым забрать обратно у Брюсселя; кроме того, лидер консерваторов, похоже, не считает нужным предлагать сценарий на случай, если переговоры о новом британском статусе в ЕС окончатся безрезультатно. То есть если через три-четыре года Великобритания будет

по-прежнему состоять в Евросоюзе на неприемлемых, по мнению консерваторов, условиях, то тогда что? Референдума не будет? И почему не попробовать провести его до истечения полномочий действующего правительства?

Впрочем, на последний вопрос Кэмерон ответ дал. Он полагает, что пока не настало время для таких решительных мер, поскольку Евросоюз ожидает неминуемая реформация в свете кризиса еврозоны, а потому Брюсселю (хотя на самом деле Берлину и Парижу) надо дать шанс исправиться. Но ощущение, что выступление Кэмерона рассчитано больше не на внешний эффект, а на внутренний, подкрепляется его словами о том, что определиться с Евросоюзом от него требуют соратники по партии, чьи избиратели разочаровались в евроидеалах и поглядывают в сторону конкурентов-изоляционистов.

Лидер лейбористов Эд Милибэнд считает, что консерваторы пытаются обезопасить себя от набирающей силу Партии независимости и для этого решили сыграть на ее поле, предложив евроскептикам привлекательную перспективу. Кроме того, он предупредил, что пересмотр, а тем более разрыв отношений с Евросоюзом нанесет чувствительный урон британской экономике.

У бывшего премьера Тони Блэра, также лейбориста, намерения Кэмерона вызвали ассоциации с блестящей комедией Мэла Брукса «Сверкающие седла», в которой шериф приставляет пистолет к собственной голове и заявляет, что вышибет себе мозги, если его требование не будет исполнено. Нетрудно догадаться, что в роли шерифа, по мнению политика, выступает нынешний хозяин дома 10 по Даунинг-стрит.

Не в восторге от зашкаливающего евроскептицизма консерваторов оказались и младшие партнеры по правящей коалиции — либеральные демократы. Их действующий лидер, и, кстати, заместитель Кэмерона в правительстве, Ник Клегг был, естественно, достаточно сдержан в оценках, отметив, что «годы неопределенности», которые последуют за референдумом, повредят национальным интересам. Его же предшественник на партийном посту Чарльз Кеннеди мог позволить себе больше откровенности: он прямо заявил, что либеральные демократы (а это третья по популярности партия в Великобритании) не допустят референдума, если опять волею судеб окажутся в одной упряжке с тори.

У евроскептиков из Партии независимости, существование которых во многом и подвигло консерваторов на то, чтобы занять жесткую позицию в отношении Евросоюза, выступление Кэмерона вызвало лишь усмешку. По мнению лидера изоляционистов Найджела Фэража, тори уже пять лет пинают банку, лежащую на дороге, и все без успеха.

Несмотря на, как уже было упомянуто, внутреннюю направленность инициатив Кэмерона, его намерения вызвали резкое осуждение в Париже и Берлине. Даже президент США Барак Обама призвал консерваторов не делать резких движений и

напомнил, что Лондон является проводником политики Вашингтона в Евросоюзе.

Остальные политики рассуждали о возможных последствиях одностороннего выхода Великобритании и упражнялись по этому поводу в остроумии. Например, министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус сравнил Европу с футбольным клубом, чтобы было, как он отметил, понятней «нашим британским друзьям». По его мнению, Лондон ведет себя как футболист, который уже вышел на поле и вдруг говорит: «А давайте сыграем в регби». Фабиус уверен, что так делать нельзя. Хотя, если развивать этот пример, в Лондоне как раз считают, что Европа настолько плохо играет в футбол, что даже если она начнет делать это по регбийным правилам, то хуже от этого точно не станет.

Германский коллега Фабиуса Гвидо Вестервелле был менее изобретателен. Он похвалил Великобританию как активную и конструктивную часть Евросоюза, а о действиях Кэмерона отозвался как о попытке половить рыбку в мутной воде кризиса.

Не лишним будет напомнить, что Великобритания и так входит в Евросоюз на весьма особых условиях. Принципиальные отличия от континента: Лондон отказался входить в Шенгенскую зону и переходить на евро. Что касается того, каким же образом британцы связаны с единой Европой, то на этот вопрос однозначно ответить весьма затруднительно.

В ходе централизации полномочий в Брюсселе было принято множество нормативов и документов, призванных унифицировать разнообразные стандарты в социальной и экономической сферах. Самое, пожалуй, забавное, что в Лондоне до сих пор не могут достоверно сказать, каких таких ключевых полномочий лишились британские власти. Уайтхолл в настоящее время проводит всесторонний анализ, каким образом решения евробюрократов оказывают влияние на жизнь в Великобритании. В общем приближении, существуют подозрения, что Брюссель сумел-таки навязать свои политику, прежде всего, в области трудового законодательства, уголовного права и социальных гарантий. Но насколько нормы Евросоюза входят в противоречие с тем, что нужно британцам, остается загадкой даже для самих критиков.

Расчет Кэмерона строится на том, что продолжающийся кризис еврозоны подтолкнет единую Европу к дальнейшим реформам. Тем более что из Парижа и Берлина все настойчивее звучат призывы к усилению интеграции, в слабости которой, особенно по части финансовой дисциплины, и видят причину сегодняшней бедственной ситуации. В Лондоне полагают, что итогом стремления к централизации должно стать подписание нового договора. А при его обсуждении тори как раз и надеются выторговать себе новые условия.

Между тем в Евросоюзе несколько смущены надеждами Кэмерона на пересмотр существующих отношений, поскольку британский премьер не сказал, какой именно договор требует правки (а жизнь Евросоюза регулируется целой серией международных соглашений). Кроме того, одна страна не может инициировать пересмотр основополагающих договоренностей — для этого требуется простое

большинство, то есть, с учетом грядущего вступления в Евросоюз Хорватии, согласие на фундаментальные изменения должны дать 15 членов сообщества.

Да и сам Кэмерон, в конце концов, не раз допускал примирительные оговорки, чтобы не создать у иностранных партнеров впечатления, что Лондон хочет хлопнуть дверью. Однако именно так и расценили его демарш.